

ВАЛЮТНЫЙ КУРС И КОНВЕРТИРУЕМОСТЬ РУБЛЯ

Маневич В.Е.

(Москва)

Рассматриваются проблемы валютного курса и конвертируемости рубля в условиях экономической реформы и вступления нашей страны в мирохозяйственную систему.

Хорош или плох сам по себе заниженный курс валюты? Если в одной индустриальной стране, например Германии, он занижен по отношению к курсу другой, скажем США, на 20–30%, то эта ситуация способствует росту германского экспорта в США, расширению ее производства темпами, опережающими внутреннее потребление, а значит — увеличению накопления, инвестированию внутри страны и за рубежом. Соединенным Штатам это позволяет насыщать внутренний рынок импортными товарами, привлекать иностранный капитал, форсировать внутреннее потребление более высокими темпами, чем рост производства, сосредоточить усилия на развитии передовых отраслей.

Но допустим, что речь идет о технически отсталой стране, чей валютный курс занижен в 2–3 раза. Тогда усилится выкачивание сырья из этой страны, ослабнут возможности внутреннего производства и накопления. Примерно так было в Польше, когда в ходе последних реформ курс злотого оказался занижен как минимум вдвое, что привело к экспортному буму при одновременном падении производства, т.е. к вывозу сырья и полуфабрикатов.

Теперь представим фантастическую картину, что мы имеем дело с отсталой страной, экспортирующей сырье, и при этом курс ее валюты занижен по отношению к ее покупательной способности на внутреннем рынке сырья в 30–50 раз. Конечно, при свободном экспорте такая страна была бы обречена на катастрофу в считанные месяцы: она за бесценно продала бы все ресурсы и даже предметы народного потребления. Но и лицензирование экспорта может лишь отсрочить катастрофу: коррупция, местное самоуправство — все это неизбежно прорывает стену лицензий.

В России из-за чудовищно заниженного курса рубля товар, предназначенный для вывоза, может быть закуплен внутри страны по сколь угодно высокой цене, перепродан за границей — по низкой, бросовой, и тем не менее принести баснословные прибыли посреднику, часть которых, вполне вероятно, будет инвестирована за рубежом. Результат: поток утекающих из страны ресурсов и накоплений, вздувание внутренних цен, обескровливание внутреннего рынка, падение официальных размеров экспорта и официальной выручки за вывозимые товары. Эта экономическая фантазмагория и есть наша сегодняшняя реальность.

При существующем валютном курсе и состоянии внутреннего рынка нужно снять все преграды на пути импорта, особенно импорта за рубли; с этим, кажется, согласны все. А вот либерализовать в настоящих условиях экспорт — это без всяких преувеличений самоубийство. Спад производства при этом вовсе не будет означать структурной перестройки экономики, ее приспособления к мировому рынку; он приведет к еще большему развалу хозяйства и к коллапсу. Мудрецы, которые толкают правительство к либерализации экспорта, свободе валютных счетов и т.д., просто не понимают связи между валютным курсом и динамикой экономики.

Долгие годы народное хозяйство нашей страны было отгорожено от мирового рынка

государственной монополией внешней торговли. Товары вывозились за границу в соответствии с планами, производители товаров получали плату в рублях. Доллары, вырученные за экспортируемую продукцию, обменивались на рубли по официальному курсу.

Было бы большой ошибкой представлять дело так, будто другие страны настаивают открыты внешнему рынку и там нет валютного курса, установленного и контролируемого государством. Различие между нашей страной и странами Запада состояло не в том, что у нас осуществлялся контроль над внешними связями, а у них связи были совершенно свободными; оно заключалось в степени контроля: у нас он был абсолютным, у них был и остается гибким, ограниченным.

От чего зависит валютный курс? Если на мировом рынке 1 т нефти можно было купить за 140 долл., а на нашем внутреннем рынке за 70 руб., то был смысл обменять 1 руб. на 2 долл. или 1 долл. на 50 коп. Таким оказался бы валютный курс рубля, если бы он определялся только одним фактором: ценой нефти. В недалеком прошлом официальный курс устанавливался на уровне примерно 60 коп. за 1 долл. Этот курс отражал соотношение цен на внутреннем и мировом рынках на топливо и сырье, нефть, уголь, лес, металл, газ и др. При обмене иностранной валюты по такому курсу экспорт топливно-сырьевых товаров давал производителям примерно такой же доход, что и продажа на внутреннем рынке. Правда, этот курс, отражая соотношение цен на внутреннем и мировом рынках на топливо и сырье, не показывал их соотношения на модную одежду, бытовую технику, другие товары народного потребления. Поэтому курс доллара на черном рынке был в 10–15 раз выше официального. За 1 долл. давали 6–10 руб., но на расчеты государственных предприятий это не влияло.

А если бы предприятие могло вырученную иностранную валюту продавать по ценам черного рынка, существовавшим в 1970 – 1980-е годы, т.е. по 10 руб. за 1 долл.? Тогда продав нефть по цене 140 долл. за 1 т, предприятие могло бы обменять эти 140 долл. на 1400 руб. Цена нефти на внутреннем и внешнем рынках стала бы несопоставимой: 1400 руб. на внешнем, 70 – на внутреннем. И то же самое случилось бы с ценой леса, металла, угля, газа. У производителей возникло бы неудержимое стремление все сырье, какое только можно, продать за границу, за иностранную валюту. Но чтобы это желание могло осуществиться, нужны, по меньшей мере, еще два условия: право предприятий самим выходить на мировой рынок и отказ государства от жесткой регламентации массы вывозимого товара.

Кроме того, желание вывести сырье, чтобы обеспечить финансовое благополучие своего предприятия, дефицитные товары для работников, естественно и быстро переходит в стремление вывозить сырье для собственного обогащения. А для этого на пути движения товара должно появиться такое звено, где доходы государственного предприятия могли бы трансформироваться в доходы частного лица, т.е. должен появиться частный посредник. Далее, нужна такая форма торговли, которая позволила бы передать ему товар по неконтролируемым ценам на условиях, которые нигде не зафиксированы и контролю не подвластны. И вот появляется биржевая торговля в нашем отечественном, весьма специфическом варианте.

Стремление выкачать за границу как можно больше сырья и готовность посредников заплатить за него двойную и тройную цену вздувает внутренние цены. В нашей экономике произошло то, что без всякого преувеличения можно назвать чудовищным: не курс рубля стал зависеть от цен на сырье и топливо, а цены на сырье и топливо зависят от валютного курса черного рынка. Это значит, что они пришли в полное несоответствие с ценами на машины, химикаты, продовольствие, с уровнем заработной платы. Но, может быть, дело ограничится "революцией цен", т.е. вслед за ценами на сырье и топливо вырастут и все остальные, повысится заработная плата и установится равновесие на новом ценовом уровне? Нет, этого не произойдет и не может произойти, потому что вслед за ростом цен будет падать валютный курс рубля, расти курс иностранной валюты, и, следовательно, тот импульс, который вызвал "тектонический" сдвиг в системе цен, будет продолжать действовать. В самом деле, еще год назад за 1 долл. давали 10 руб., в июне прошлого года – уже 28–30, в августе – 50, в октябре – 100

и т.д. Маховик раскручивается и вращается со все большей скоростью. Уже замелькали сообщения о продаже валюты по 200 руб. и более за 1 долл. Чем ниже курс рубля, тем больше цены, чем выше цены, тем ниже курс рубля.

За определенным пределом падения покупательной способности рубля начинается "бегство от денег": рубль постепенно выпадает из оборота. В одних местах рубль вытесняется натуральным (бартерным) обменом, в других — долларом, в третьих товаровладельцы просто не видят для себя смысла вывозить товар на продажу. Согласно элементарной логике, повышение цен стимулирует товаропроизводителей, способствует наполнению рынка. Но эта зависимость действует лишь до определенного предела. Когда рост цен равнозначен стремительному обесценению рубля, он отнюдь не стимулирует производителя и продавца товара, а скорее подталкивает их к тому, чтобы товар придержать, оставить для собственного потребления либо выменять на другие товары. Именно этот процесс вопреки оптимистическим прогнозам наблюдался после так называемой либерализации цен, когда колхозные рынки в некоторых регионах вдруг опустели, хотя и магазины не наполнились.

Постепенное выпадение рубля из оборота сужает сферу его применения, создает все более растущий излишек рублей там, где их еще принимают, и это ведет к уже запредельному росту цен. Как бы ни повышались цены, они не могут угнаться за валютным курсом, а следовательно, стимул к выкачиванию из страны ресурсов не только сохраняется, но даже усиливается, разрушение экономики продолжается. Широким потоком идет за границу лес, зато угольные шахты остаются без крепежа. На экспорт поступает нефть, а в посевную и уборочную кампании останавливаются трактора и комбайны. Продается за границу металл, но один за другим свертывают производство машиностроительные заводы.

На этом саморазрушении экономики выигрывает узкий круг посредников и хозяйственной номенклатуры, руководящей добывающими отраслями, а также государственная бюрократия, которая лицензирует экспорт.

Естественно стремление приобретающих сберечь благоприобретенное. Сохранить капиталы от обесценения можно, поместив их в недвижимость или устойчивую валюту. Припрятывание валютной выручки за границей, по-видимому, приобрело широкие масштабы. Либеральная валютная политика правительства этому не препятствует. Ни одна страна в мире, оказавшись в ситуации, хоть отдаленно напоминающей нашу, не потерпела бы свободного вывоза капитала, вкладов за рубежом. Мы уже говорили, что валютный курс и неуправляемый экспорт вызывают рост цен на сырье и топливо, а вслед за ними, по цепочке и всех остальных товаров — машин, химикатов, зерна, мяса и т.д. Должна расти и заработная плата; это скажется на издержках производства всех отраслей, стимулируя новый рост цен. И так виток за витком.

Представим себе, что государство решило остановить рост цен в одном из звеньев, например в машиностроении. Что в этом случае произойдет с ценой металла? Остановится ли она из-за того, что натолкнется на ограниченную платежеспособность машиностроения? Нет, потому что ее подпирает растущая цена на уголь, нефть, руды, энергию. А цену исходного сырья гонит вверх валютный курс. В результате машиностроение просто не сможет приобретать металл по свободным ценам и начнет сворачивать производство. Металлургия не найдет сбыта для своей продукции и тоже станет затухать. Встанут отрасли, обслуживающие металлургию. От экспорта мы сейчас отвлекаемся. Словом, от той точки, на которой государство попытается приостановить рост цен, в нынешних условиях в обратную сторону и тоже по цепочке начнет останавливаться производство.

В январе текущего года правительство попыталось задержать инфляцию в одном звене — в заработной плате. Застопорив рост оплаты труда и дав простор, даже подталкивая рост всех остальных цен, оно надеялось, что за счет рядового потребителя удастся стабилизировать рынок, добиться равновесия. Это могло бы дать результаты, если бы излишек денег порождался опережающим повышением заработной платы и других личных доходов. Тогда рост цен снял бы этот излишек и при благоприятных условиях можно было бы достичь рыночного равновесия. Но в нынешней ситуации, когда

импульс инфляции в базисных отраслях, это просто невозможно: волна инфляции, искусственно остановленная в одном звене и полностью развязанная и даже подталкиваемая в других, встретив на своем пути преграду, дала мощную отдачу — в обратном направлении пошла волна остановки производства.

В ответ на это правительство начало существенно корректировать свою политику: повышать заработную плату, наполняя кошельки граждан все более легковесными купюрами. Другими словами, оно стало на путь гиперинфляции. И дело не только в давлении профсоюзов, но в том, что ни люди, ни экономика просто не могут выжить, если последовательно осуществлять те меры перехода к рынку, которые разработало наше правительство.

Взрыв цен был действительно неизбежен из-за той внешнеторговой и валютной политики, которую проводили сменявшие друг друга кабинеты в течение последних двух лет. Но это не значит, что регулирование цен всегда и при всех обстоятельствах неприемлемо.

Оно как раз — один из возможных, а иногда необходимых приемов экономической политики. К нему прибегали и прибегают страны, куда более сытые, чем наша, с несравненно более развитыми рыночными структурами и либеральными традициями. Десятки лет централизованно устанавливались цены на важнейшие продукты в послевоенной Франции, регулировались и продолжают регулироваться цены в Японии. Так что, когда наше правительство уверяет, что делает "как у людей", оно заблуждается и других вводит в заблуждение: повышение цен, которое мы сейчас переживаем, вовсе не следование мировым образцам и теоретическим канонам, а результат невежественной и саморазрушительной экономической политики. Ни одно цивилизованное правительство в мире никогда не позволило бы себе такой канибальской "либерализации" цен; оно пересмотрело бы ту политику, которая толкает к этой "либерализации". А такого пересмотра наше правительство, по-видимому, делать не собирается. Поэтому вздувание цен не остановит стремительно идущий процесс развала экономики, включая и разрушение рынка.

Теоретически есть два выхода: первый — вернуться к железобетонной монополии внешней торговли (а это невозможно без возврата к тоталитаризму), второй — добиться (причем срочно) конвертируемости рубля по нормальному курсу.

Для того чтобы лечить болезнь, нужно сначала поставить диагноз. Поэтому прежде всего надо дать ясный ответ на вопрос, чем вызван чудовищно заниженный, грабительский курс рубля.

Курс рубля — это его цена, выраженная в других валютах (в долларах, фунтах, марках и т.д.). Всякая цена определяется спросом и предложением. Спрос на иностранную валюту у владельцев рублей огромный, спрос на рубли со стороны владельцев иностранной валюты мизерный. Отсюда чрезвычайно низкая и все время падающая цена рубля в долларах, необычайно высокая и все время растущая цена доллара в рублях.

Спрос на иностранную валюту включает в себя: во-первых, спрос импортеров для оплаты купленных за границей товаров; во-вторых, туристов, эмигрантов, деловых людей для поездок за границу; в-третьих, владельцев сбережений, желающих перевести их в более надежную валюту; в-четвертых, тех владельцев сбережений и капиталов, которые стремятся перевести их за границу, вложить в экономику других стран; в-пятых, государства на иностранную валюту для оплаты своих обязательств перед иностранными государствами, в том числе — процентов по займам и погашения самих займов; в-шестых, спекулянтов валютой, ожидающих дальнейшего падения курса рубля и желающих извлечь из этого выгоду, заранее скупая иностранную валюту.

Теперь посмотрим, из чего складывается или мог бы складываться спрос на рубль со стороны владельцев иностранной валюты. В других странах основной спрос на национальную валюту предъявляют иностранные покупатели ее товара, экспортеры. У нас не так — иностранцам нет нужды покупать на свою валюту рубли для того, чтобы потом купить наши товары; мы продаем свои товары за доллары, фунты, марки и т.д. За рубли наши товары иностранцам вообще не продаются. Уже этим обуславливается низкий спрос на рубли и соответственно заниженный курс рубля.

Далее, спрос на рубли могли бы предъявлять иностранные туристы и бизнесмены, посещающие нашу страну. Но мы и это исключаем — требуем от иностранных туристов и бизнесменов расплаты в иностранной валюте.

Наконец, спрос на рубли предъявляют советские предприятия, продающие свои товары за рубежом, а затем обменивающие вырученную валюту на рубли, чтобы выплатить заработную плату, купить сырье на внутреннем рынке и т.д. Но и этот спрос на рубли невелик: экспортеры стараются сохранить иностранную валюту на своих валютных счетах, использовать ее для закупок иностранных товаров, для поездок за границу и т.д.

Итак, спрос на рубли минимальный, и государство своей валютной политикой снижает его еще больше, поскольку везде, где только можно, требует расплаты в иностранной валюте. Спрос на иностранную валюту громадный, причем государство своей валютной политикой его всячески усиливает.

Конечно, такие факторы, как политическая нестабильность, низкое качество жизни, вызывающие бегство капитала, в один день преодолеть невозможно. Тем не менее ситуацию в валютной сфере необходимо срочно переломить. При этом не придется изобретать ничего нового по сравнению с богатой мировой практикой стабилизации и оздоровления валютных систем. Нужно только правильно выбрать апробированные рецепты и инструменты. Если есть на свете что-нибудь никогда прежде не виданное, так это наша валютная политика, которая дискриминирует собственную валюту, подрывает спрос на нее и создает условия для вывоза капитала, когда экономика остро нуждается в его ввозе.

В принципе для того чтобы поднять курс рубля, нужно всеми силами генерировать и стимулировать спрос на рубль и ограничивать (и даже отключать, там где это возможно) спрос на иностранную валюту.

Начнем с последнего. Чтобы ограничить спрос на иностранную валюту, нужно, во-первых, полностью запретить ее обращение внутри страны; во-вторых, все валютные счета в советских банках, принадлежащие всем гражданам и юридическим лицам, кроме банков, получивших право торговать валютой, перевести в рублевые счета; в-третьих, запретить советским гражданам и юридическим лицам держать счета в иностранных банках. Ничего противоречащего мировой практике здесь нет. К таким мерам прибегали страны, куда более благополучные и с несравненно более либеральной экономикой, чем наша. В сегодняшней Польше, например, не разрешены все операции в иностранной валюте (кроме купли-продажи валюты банками), а также счета в иностранной валюте внутри страны, а для польских граждан и юридических лиц — и за рубежом. Экспортеры обязаны всю валютную выручку продавать банкам за национальную валюту. В-четвертых, нужно перекрыть каналы экспорта капитала из страны, запретить советским гражданам и юридическим лицам инвестировать деньги за рубежом. И в этом никакого посягательства на основы рыночной экономики нет. К таким или близким методам прибегали развитые страны, когда находили это для себя необходимым. Даже США в середине 1960-х годов, обеспокоенные снижением курса доллара, утечкой золота, низкими темпами роста, фактически перекрыли каналы вывоза капитала из страны и сняли ограничения на вывоз капитала лишь в 1970-х годах, когда ситуация в корне изменилась. В наших же условиях предотвратить бегство капитала, закрыть его экспорт — жизненная необходимость.

Нужно удивляться не тому, что другие государства активно защищают свои интересы, а тому, до какой степени мы своими народнохозяйственными интересами пренебрегаем, или же просто их не понимаем. Один крупный советский предприниматель, давая интервью по телевидению, с гордостью сообщил, что успешно сбывает сырьевые товары в США, создал для этого сеть торговых предприятий, а вырученные доллары инвестирует в американскую экономику. Можно не сомневаться, что в любой стране, оказавшейся в ситуации хоть отдаленно напоминающей нашу, такая деятельность была бы просто запрещена.

Возможно, мы как неопиты рыночной экономики более склонны руководствоваться не реальными интересами страны, а идеологическими постулатами экономического ли-

берализма. Но уж очень избирательный характер носит наш либерализм. Он не развязывает рук производителям, зато создает условия для обогащения бюрократов и посредников, для перевода их благоприобретенных капиталов в иностранную валюту. Нетрудно представить, какой шум поднимется, если будут запрещены валютные счета, вклады за границей и вывоз капитала.

Ограничение спроса на иностранную валюту со стороны владельцев рублей должно сопровождаться созданием и поощрением спроса на рубли со стороны владельцев иностранной валюты. Запретив вклады в иностранной валюте, нужно всеми мерами поощрять иностранцев открывать счета в рублях внутри страны и за границей. Для этого их рублевые счета должны быть гарантированы от инфляции. Западные страны, со своей стороны, могли бы предоставить гарантии держателям рублевых счетов, взяв на себя обязательство приобретать их и превращать таким образом из частных в государственные. Рынок рублей должен подкрепляться рынком наших фондовых ценностей — акций, облигаций, векселей. Нужно, чтобы иностранные экспортеры, желающие приобрести наши товары, сначала приобретали рубли на валютных биржах или в банках, а советские предприятия, экспортирующие товары за рубеж, всю вырученную валюту продавали за рубли. Спрос на иностранную валюту ограничится в основном потребностями оплаты импорта и поездок за границу. Изменение в соотношении спроса и предложения рубля приведет к изменению его курса и сделает иностранную валюту действительно доступной для импортеров, причем по нормальному, а не чудовищно завышенному курсу. Возможно, что импорт некоторое время придется лицензировать, зато тяга к чрезмерному экспорту в условиях обязательной продажи валюты и высокого курса рубля отпадет сама собой. Это будет способствовать оздоровлению внутреннего рынка и, следовательно, укреплению рубля.

Достижение его конвертируемости по достаточно высокому курсу позволит ввозить в страну иностранный капитал, а это равнозначно дополнительному импорту товаров, насыщению внутреннего рынка.

Наконец, несколько слов о таком немаловажном факторе курса рубля, как валютная спекуляция. Достаточно слуха о том, что готовится крупномасштабная акция с участием западных стран и международных валютных институтов по укреплению курса рубля, чтобы направление спекулятивных сделок изменилось и от сброса рублей спекулянты перешли к их скупке. Спекуляция "на понижение" рубля сменится спекуляцией на его "повышение", что само по себе будет содействовать повышению курса рубля. Вообще-то и слухи должны быть сообразно моменту дозированы, чтобы выгоды от повышения курса использовать в интересах казны и страны, а не только спекулянтов.

Ограничение спроса на иностранную валюту и форсирование спроса на рубль может оздоровить денежное обращение и поднять курс рубля лишь при условии ограничения эмиссии платежных средств как наличных, так и безналичных, т.е. при жестком контроле над коммерческими банками.

Неуправляемая эмиссия ведет к инфляции. Значит ли это, что зажим эмиссии и кредитов даст стабилизацию цен? К сожалению, гарантии такого хода событий нет. Зажим кредитов может вызвать не стабилизацию цен, а спад производства, причем цены будут продолжать расти. Поэтому контролируя кредитную политику, государство в ближайшем будущем не должно отказываться и от контроля над ценами на топливно-сырьевые товары, регулируя их через биржи, централизованные запасы и т.д., а в случае нужды нельзя исключить и временное замораживание цен и заработной платы. В наших условиях жесткая государственная кредитная и ценовая политика необходимы для установления нормального курса и поддержания его устойчивости.

Единая денежная система ряда суверенных государств требует и единой кредитной и ценовой политики. Насколько это возможно, рационально и желательно, судить трудно, так как еще никогда в мировой практике не существовало единой валютной системы у нескольких государств. Есть опыт "валютной змеи", т.е. установления достаточно твердых курсов валют группы стран, и соответственно опыт их согласованной кредитной, валютной и денежной политик. Полностью же согласовать интересы, и, следовательно, денежно-кредитную политику никогда не удастся, поэтому члены "валютной змеи"

постоянно улаживают свои разногласия, пересматривают курсы, переходят от фиксированных курсов к плавающим, а это значит, что змея распадается, иногда делится надвое и т.д.

Может быть, сейчас и не время отказываться от единой валюты, но, по-видимому, уже в недалеком будущем наиболее желательным будет единовременное введение национальных валют во всех бывших союзных республиках, установление их взаимных курсов и правил регулирования этих курсов, т.е. образование "валютной змеи", принятие взаимных обязательств по поддержанию валют, придание всем валютам республик в рамках единого экономического пространства характера международного платежного средства. Это укрепит каждую валюту и будет способствовать ее выходу на мировой рынок, а рубль станет играть роль основной резервной валюты. Будет создан клиринговый союз с использованием рубля для погашения сальдо платежного баланса.

Оздоровление рубля, его нормальный валютный курс нуждаются в международной поддержке. Эта поддержка может явиться результатом двусторонних или многосторонних соглашений России с развитыми странами (большими и малыми) о поддержке определенного курса рубля, взаимном открытии счетов. Например, Федеральная резервная система США открывает долларовые счета Центробанку России, а Центробанк — на ту же сумму рублевые счета Федеральной резервной системе. Тогда обе стороны могут использовать эти счета для урегулирования платежей в долларах и рублях. Для поддержания согласованного курса рубля должен быть подключен и механизм Международного валютного фонда, позволяющий его членам приобретать иностранную валюту в обмен на национальную. Для этого России нужно стать полноправным членом Международного валютного фонда.

Иностранная валюта и международные платежные средства, полученные правительством от Международного валютного фонда, могут быть проданы импортерам за рубли, а рубли пойдут на финансирование бюджетного дефицита; иностранная валюта — на покрытие пассивного сальдо платежного баланса.

И в заключение несколько слов о помощи Запада. Да, помощь идет большая, но и наши потери от экспорта сырья на Запад велики. Конечно, помощь нам оказывают правительства за счет средств налогоплательщиков, а на вывозе нашего сырья наживаются отдельные нечистоплотные люди. И все же мы имеем моральное право сказать Западу: "Господа! Существующий валютный курс рубля позволяет по бросовым ценам выкачивать из нашей страны ресурсы, разрушает нашу экономику, превращает нас в международного донора. Большое спасибо за помощь, но не кажется ли вам, что она немного напоминает бесплатный обед на донорском пункте? Чем бесконечно кормить нас бесплатным супом (а пока что мы от него не отказываемся), лучше помогите нам избавиться от роли международного донора. Для этого нужно согласовать на уровне правительств нормальный курс рубля к доллару и другим валютам, отражающий уровень цен на наши экспортные товары, прежде всего на нефть. И когда он будет согласован, помогите нам его поддерживать так, как вы помогаете друг другу поддерживать курсы ваших валют. Только такая помощь будет действенной".

Поступила в редакцию
24 II 1992